

О МОНЕТНОМ ОБРАЩЕНИИ*

I. СОСТАВ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ

1. ПОНЯТИЕ О ДЕНЬГАХ ВООБЩЕ

Богатство государства образуется и возрастает трудом. Труд возрастает и расширяется посредством свободного обращения его произведений. Произведения труда обращаются посредством мены. Мена совершается редко натурою, а большею частию посредством *денег*.

Деньги (монета) в собственном смысле имеют двоякое достоинство: внутреннее, как товар, и внешнее, как условленный правительством замен всех натуральных податей и сборов. Таковы суть металлы: золото, серебро и медь. Круг обращения их есть повсеместный; они суть монета ходячая

* В известном сочинении барона (ныне графа) М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (СПб., 1861) сказано (II, с. 358—359), что «бюллетени о болезни его перестали появляться, и 12 декабря Сперанский записал в календаре, что болезнь прекратилась, что «ему должно было лишь оправиться, чтобы снова всему предаться всегдашней деятельности духа. Несмотря на оставшуюся сильную слабость, он тотчас стал заниматься важным вопросом, обсуждавшимся в это время в соединенных департаментах законов и экономии Государственного Совета, в которых ему, как старшему, следовало председательствовать. Это было дело об уничтожении простонародного лажа⁹⁰ на монету, отложенное до его выздоровления, но в окончательном решении которого он уже не принимал участия». В примечании замечено: «Известно, что существование у нас лажа было уничтожено манифестом 1 июля 1839 г. (№ 12 498). Этот акт был написан уже другим, и самое дело решено не столько по мыслям, предварительно высказанным о нем Сперанским, сколько по мнению графа Канкрин⁹¹, возобладавшему над всеми прочими». А как Сперанский скончался 11 февраля 1839 г. (там же, II, 368), то ясно, что предлагаемое здесь сочинение составляет чуть ли не последнее произведение нашего знаменитого государственного деятеля (*Примеч. изд. 1873 г.*).

внутри государства по внешнему их достоинству, а вне его — по внутреннему.

Но ни в каком благоустроенном государстве металлические деньги не могут удовлетворить всем потребностям частных и общественных дел. Для сего надлежало бы, не говоря уже о частных людях, самому правительству содержать в запасе двойное или тройное годовое количество его доходов. Отсюда возникла необходимость сверх монеты металлической иметь еще другие вспомогательные средства мены. Сии средства суть *ассигнации и кредитные бумаги*.

2. СУЩЕСТВО АССИГНАЦИЙ

Ассигнации выдаются (выпускаются) правительством вместо наличных денег при покупках его, поставках и подрядах разных его потребностей, также и при ссудах частным лицам под залог; они выдаются с тем, что предъявителю их зачтены они будут в казначействах при платеже податей и сборов в той же самой именовательной цене, какая в них ассигнована. Это суть зачетные квитанции на платеж следующих правительству податей. Не имея внутреннего достоинства монеты, они имеют, однако же, внешнее, и потому, составляя одно из средств ее вспомогательных, именуются *бумажными деньгами* или *бумажною монетою*. Отнимите у них сие достоинство, остановите прием их в казначействах, и они тотчас лишатся всей монетной своей силы, будут простою ничтожною бумагою. Круг обращения ассигнаций есть внутренний, повсеместный, объемлющий не только дела между казною и податными лицами, но и все дела внутренние частные. На дела внешние они не простираются и сим существенно различаются от монеты металлической.

3. СУЩЕСТВО КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ

Билеты кредитные составляют второй вид средств вспомогательных в монетном обращении. Сюда принадлежат: 1) все *частные денежные обязательства*, как-то: вексели, заемные письма и проч.; 2) *билеты банковые*; 3) *билеты казначейства*.

а) *Частные обязательства*. Сила их утверждается на платеже, а достоверность платежа — на законе взыскания. Чем строже сей закон, чем он действительнее, тем ближе они

подходят к наличной монете и тем вернее ее заменяют. Круг обращения их может быть внутренний и внешний. Пространство его зависит от доверия к лицу и к закону.

б) *Билеты банковые*. Банками и кредитными публичными установлениями вообще называются складки капиталов казенных, или частных, или тех и других в совокупности. Складки учреждаются на тот конец, чтоб посредством ссуд и других банковых оборотов ускорить и расширить монетное обращение и вместе с тем приобрести на капиталы вкладочные большую или меньшую прибыль.* Сила банковых билетов утверждается на достоверности размена их на наличные деньги, а достоверность размена утверждается на соразмерности вкладочных капиталов с выдаваемыми билетами. Круг обращения их может быть внутренний и внешний.

в) *Билеты казначейские*. Это суть обязательства, выдаваемые правительством вместо наличных денег с определенным сроком платежа и с условленными процентами. Таковы суть в Англии Exchequer bills, во Франции Bons du trésor, у нас казначейские билеты, *сериями* в просторечии именуемые.

Из сего вышесказанного явствует, что монетное обращение складается из трех установлений: 1) из *системы монетной*; 2) из *системы кредитной*; 3) и из *системы ассигнационной* там, где она еще действует. Существенные отличительные черты каждой из сих систем заключаются в следующем.

1. *Система монетная* в собственном смысле состоит в определении внутреннего достоинства монеты металлической, т. е. в определении веса и пробы монетной единицы и в том означении дробных ее частей в золоте, серебре и меди. Количество монетных знаков есть неопределенно и зависит от

* Все банковые установления можно отнести к трем главным родам по существу их вкладов. *К первому роду* принадлежат банки, составленные частными лицами с участием или без участия вкладов правительства, на акциях в определенном числе капиталов. Сии акции могут быть передаваемы от одного лица другому, но капиталы их во все время существования банка не могут быть из него извлекаемы. Таковы суть почти все банки, известные в Европе. *Ко второму роду* принадлежат банки, составляемые из вкладов неопределенных. Сии вклады представляют собою так же акции, но с тем различием, что не только могут быть передаваемы от одного лица другому, но из самого банка извлекаемы по первому востребованию вкладчиков. Банки сего рода существуют только в России. *К третьему роду* принадлежат банки сельские (Territoriales), где вместо капиталов вклады состоят из недвижимых имуществ, под залог коих банк выдает в ссуду сумму, оценке их соразмерную, кредитными билетами. Таковы суть банки силезские и земский банк Царства Польского.

большого или меньшего ежегодного выпуска их правительством.

Существенное различие сей системы от прочих двух состоит в том, что монета имеет два достоинства: внутреннее и внешнее, ассигнации имеют одно внешнее, а из кредитных бумаг одни только билеты казначейские там, где они допускаются в платеж податей, имеют монетное достоинство, равное ассигнациям, все прочие могут иметь его только случайно, т. е. в тех случаях, где допускаются в залоги вместо наличных денег.

В общем правиле чем более в государстве металлических денег, тем удобнее совершаются все обороты торговли и промышленности, но при сем не должно терять из вида степень скорости их движения. Один и тот же рубль может в течение одного дня совершить десять, двадцать оборотов, удовлетворить десяти разным требованиям или пролежать без оборота. В первом случае он заменяет 10 руб., во втором остается один. Но что способствует скорости движения? Деятельность труда и мены, близость расстояния и удобность путей сообщения. Отсюда происходит, что две разные массы денег в двух государствах, равных в их населении, но различных в степени деятельности, в расстояниях или способах сообщения, не производят равного действия, не совершат равного количества оборотов. В одном будут жаловаться на то, что деньги слишком дешевы и что они не приносят соразмерных доходов, в другом будут жаловаться на то, что нет денег.

2. В системе кредитной определяется сила кредита, т. е. существенные последствия обязательств как частных, так и банковых и казначейских. Чем более верных кредитных бумаг, тем удобнее совершается монетное обращение, тем менее потребности в металлических деньгах.

3. В системе ассигнационной определяется внешнее достоинство ассигнаций, т. е. именовательная цена, по коей они принимаются в казначействах. Система сия есть двояка: *неопределенная*, в коей количество знаков изменяется по усмотрению правительства постепенными выпусками, и *определенная*, в коей количество знаков, единожды установленное, остается без приумножения.

В сем состоят главные и общие начала монетного обращения. Краткий взгляд на историю его в России может послужить здесь практическим утверждением и пояснением сих начал.

II. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ МОНЕТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИИ

Попытка ввести ассигнации в России относится еще ко временам царя Алексея Михайловича. Войны с Швецией и Польшею столько истощили казну в серебряной монете, что в крайнем оскудении ее правительство принуждено было искать пособия во внешнем займе; обратились к Венецианскому банку, но он отказал. В сей крайности, по совету директора Монетного двора, окольного Ртищева,⁹² прибегли к другому средству. В 1655 г. состоялся указ: «Вместо серебряных рублей делать рубли медные того же весу и формы», и сии рубли велено принимать везде за серебро. Как скоро монета сия распространилась, она начала упадать постепенно. Сперва она теряла 4 деньги, потом 8, 10, 80 денег, потом теряла половину, вскоре потом три четверти, наконец в 1663 г., через 8 лет, 15 медных ассигнационных рублей давали уже за один серебряный рубль (по другим сведениям, платили даже до 50 руб.). Открылось народное возмущение, и неудачный сей опыт кончился тем, что в 1663 г. (11 июня) велено выпуск прекратить сей монеты, медные рубли выкупать по 1 копейке за рубль, а кто не хотел продать за сию цену, тем дозволено было самим переливать, но никак не оставлять в прежнем их виде под страхом конфискации.

Настоящая ассигнационная бумажная система основалась у нас в 1769 г. В установлении ее должно различать два различных учреждения.

1. В 1769 г. (манифест декабря 29, № 13 219) учреждено было два банка: С.-Петербургский и Московский. Единственная цель учреждения состояла в том, чтоб облегчить движение металлической монеты. По сему в самом манифесте банки сии названы *променными*. Все дело их состояло в том, 1) чтоб выдавать ассигнации под вклады металлических наличных денег, т. е. разменивать деньги на ассигнации, откуда бы сии деньги, от казенных ли мест или от частных людей, ни поступали; сверх наличных денег положено было принимать серебро и золото в деле и в неделю (манифест 29 декабря и прилож. учреж. ст. 32); 2) обратно выдавать наличные деньги по предъявлению, т. е. разменивать приносимые ассигнации на деньги. Ясно, что по свойству тогдашних ассигнаций число их могло и должно быть неограниченно: вся металлическая монета, обращающаяся в государстве, могла быть здесь променена на ассигнации. Следовательно, банки были просто две

большие разменные кассы, основанные на наличных депозитах металлической монеты. По сему-то в манифесте 1769 г. не определяется количество ассигнаций, а удостоверяется только монаршим словом: 1) что каждому возвращены будут его наличные вклады по востребованию; 2) что ассигнации сверх того будут приниматься в счет податей и всех казенных сборов. По сему понятию ассигнации 1769 г. были не что иное, как разменные билеты двух сохранных или депозитных касс, и сие-то самое понятие изображено было в самой их надписи: «Предъявителю сего платит ассигнационный банк столько-то ходячею монетою». Утверждать, что здесь под именем ходячей монеты разумелась одна монета медная, нет никакого основания. Ходячая монета в государстве есть та, которая принимается в податях, а известно, что подати в 1769 г. платились равно и серебром и медью, без всякого промена. Между серебром и медью не существовало тогда никакого определенного правительством курса. Курсы биржевые означали тогда просто содержание серебряного рубля в монете иностранной. Билеты по местам промены (ажю), но сие зависело от большей или меньшей потребности в той или в другой монете. В одном месте платили небольшой промен при размене серебра на медь, в другом платили при размене меди на серебро. Нужда и потребность определяли то и другое. Неизбыточное количество медной монеты, самое внутреннее ее достоинство (16 руб. из пуда) возвышали ее ценность и равняли с серебром, а платеж всех таможенных пошлин серебром вводил в обращение значительные по тогдашнему времени его массы.

2. В 1786 г. (манифест 1786 г. июня 28, № 16 407) оба разменных банка соединены в один, но банк сей наименован уже просто *ассигнационным*, а не разменным. Ни словом уже здесь не упоминается о размене, напротив, все вклады наличных денег от него уже устранены и присвоены одному банку заемному: банку же ассигнационному дано право производить банкирские операции, т. е. производить учет векселей, торговать в большем виде металлами и проч. Таким образом, банк ассигнационный принял свойство банка коммерческого. С прекращением размена сила ассигнаций опиралась уже единственно на прием их в податях. А как сила сия могла казаться недостаточною, то и признано было нужным торжественно заявить, что количество ассигнаций ни в каком случае не будет превышать 100 миллионов рублей. В манифесте сказано: «Узаконяем самодержавною, от Бога нам данную властью и обещаем святостию слова царского за нас и преем-

ников императорского российского престола, что число банковых ассигнаций никогда и ни в каком случае не долженствует простираться в нашем государстве выше ста миллионов рублей» (100 миллионов составляли тогда почти весь годовой доход). До 1796 г. выпущено ассигнаций на 150 миллионов.

При толь существенной перемене самого внутреннего значения ассигнаций признано, однако же, нужным сохранить без перемены прежнюю их надпись. Причина сему очевидна: ассигнации в виде разменной монеты приобрели уже в течение 18 лет общее доверие, поколебать его переменою наружного их вида было бы опасно. Таким образом, учреждением 1786 г. введены в существе своем новые ассигнации, сохранившие только старую надпись.

В движении ассигнаций должно различать три разные эпохи: 1) время *равенства*; 2) время *падения*; 3) время *повышения*. Табель, при сем прилагаемая, представляет постепенные их выпуски, состояние их падения и повышения, действительное их достоинство в монете металлической и соответствующее им состояние вексельных курсов. Табель сия составлена по сведениям положительным и официальным.*

1. ВРЕМЯ РАВЕНСТВА

Время *равенства*, собственно, относится не к настоящим, но к прежним разменным ассигнациям; оно продолжалось в течение 18-ти лет. С 1769 по 1787 г. количество всех выпущенных ассигнаций составляло 40 миллионов.

2. ВРЕМЯ ПОСТЕПЕННОГО ПАДЕНИЯ

Время *падения* началось с 1788 г., т.е. год спустя после того, как к прежним 40 мил. прибавлено было еще 60 мил. и составилось 100 мил. Вслед за тем в два последующих года ассигнации потеряли около 9 %. Когда потом, в 1790 г., прибавлено было к 100 мил. только 11 мил., они пали еще до 4 %, и весь упадок составлял уже 13 %.

Таким образом, продолжалось падение по мере выпуска, но между количеством выпуска и количеством падения никогда не было, и не могло быть, точной и определенной сораз-

* См. в Приложении.

мерности, ибо хотя главная причина падения всегда была одна и та же, но мера его определялась другими содействующими причинами, как-то: войною, состоянием внешней торговли и вексельного курса, приращением или уменьшением доходов и кругом обращения ассигнаций.

Падение усилилось, когда массы выпусков увеличились. После Тильзитской войны, в 1808 г., в один год, и даже почти в несколько месяцев, вдруг выпущено было 95 мил. Как падение ассигнаций совершается не вдруг при каждом их выпуске, но оказывается во всей его силе через год и более, т. е. тогда, когда они совершат круг своего обращения, то легко можно было предвидеть, что выпуск 1808 г. не ограничится мерою падения, в том году открывшегося, но пойдет далее.

В сем положении дел нельзя было оставаться и медлить: надлежало принять решительные меры. Они были приняты и состояли в следующем.

Дальнейший выпуск ассигнаций оставлен. Дефицит в доходах* наполнен прибавками в податях и пошлинах. Изложены и подтверждены в манифесте главные основания монетной системы, серебряный рубль снова объявлен монетною единицею.

К сожалению, все сии и многие другие меры, в течение 1810 г. принятые и предположенные, войною 1812 г. частью были приостановлены, частью отложены. Выпуск ассигнаций в течение 1812, 1813, 1814 гг. возобновлен. Количество их от 577 000 000 возросло до 761 000 000.**

Таким образом, время падения ассигнаций продолжалось с 1787 по 1815 г., 28 лет.

3. ВРЕМЯ ПОСТЕПЕННОГО ПОВЫШЕНИЯ

В 1815 г. составлен был новый план финансов.*** Основные начала его были те же, как и в 1810 г., но они усовершенствованы и расширены. Одною из главных частей сего плана было не только остановить дальнейший выпуск ассигнаций, но и

* Состояние доходов и расходов по бюджету 1810 г. было следующее: расходов 279 000 000, доходов 121 000 000, дефицит 157 000 000.

** Здесь разумеются суммы ассигнаций, выпущенных правительством. При перемене прежних бумаг на новые найдено было, что все количество их в обращении составляло 382 006 890, но в сем числе заключалось 71 000 000 бумаг подложных, кои и были истреблены вместе с прочими.

*** План сей, к 1815 г. составленный, начал приводим быть в действие с учреждением Комиссии погашения долгов, в 1817 г.

уменьшить их количество, доколе они не придут в равенство с серебром.

Три разных средства подлежали здесь к выбору:

1. Постановить законом, чтоб ассигнации во всех платежах, как казенных, так и частных, принимаемы были не по именовательной, но по действительной их цене на серебро, например в 1/4 рубля, когда серебряный рубль стоил 4 рубля ассигнационных.*

2. Погашать их постепенно, извлекая из обращения известную их часть переложением ее в непрерывный долг.

3. Не погашая и не уменьшая их количества, предоставить постепенное их возвышение и уравнивание с серебром времени и собственному и движению.

Из сих трех средств в плане 1815 г. избрано было второе, и на сем основании началось погашение. Из 761 000 000 извлечено из обращения посредством займов и других мер около 166 000 000. Осталось 595 000 000.

Сия мера произвела два действия:

1. Она остановила дальнейшее падение ассигнаций, ибо нельзя предполагать, чтоб масса 761 000 000 могла держаться в той же цене, в коей содержались в 1810 г. 577 000 000.

2. Она дала начало постепенному ассигнаций повышению.

Но план 1815 г. на сем не останавливался; в предмете его было каждый год производить погашение, отлагая для сего из доходов государственных до 30 000 000, так что лет через 10 масса ассигнаций составляла бы не более 300 000 000.

Предположение сие не совершилось по двум причинам: 1) в 1824 г. уже было признано невозможным отделять 30 000 000 из доходов на сию потребность, не прибегая к новым займам или налогам; 2) признано было, что самым естественным последствием сего сильного погашения было бы возвышение ассигнаций и, следовательно, не постепенное, но быстрое возвышение податей и упадок ассигнационных цен на вещи.

По сему в 1824 г. положено остановить погашение, и из трех средств вышеозначенных избрать последнее, т. е. оставить постепенное повышение ассигнаций собственному их движению.

В сем кратко состоят главные исторические черты сего обширного и многочисленного дела. Рассмотрим теперь последствия каждой его эпохи отдельно.

* Сие было сделано в Австрии в 1811 г., где ассигнации вдруг уменьшены $\frac{4}{5}$ их цены.

III. ПОСЛЕДСТВИЯ АССИГНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

1. ПОСЛЕДСТВИЕ РАВЕНСТВА АССИГНАЦИЙ С СЕРЕБРОМ

Из таблицы, выше сего приведенной, видно, что в течение первых 18-ти лет достоинство ассигнаций в числе 40 000 000, тогда обращавшихся, было одним только процентом, или с малою иногда дробью, ниже серебра. Но и сие маловажное понижение было чувствительно на бирже; в общем же ходе не только не было понижения, но частью было даже некоторое и превышение. Посему-то и можно считать все сие расстояние времени эпохою их равенства.

Равенство могло происходить от двух причин: или от того, что каждому листу ассигнационному соответствовал в променной кассе депозит в монете металлической, или же от того, что выпуски ассигнаций в течение 18-ти лет были весьма умеренны. Из дел того времени видно, что были действительно депозиты, хотя не весьма значительные; но были вместе с тем допускаемы и выпуски без депозита, в виде займа из так называемого тогда запаса на потребности правительства.

Должно ли из сего заключать, что денежные способы правительства без новых налогов, одним повелением его, умножились 40 миллионами?

Деньги вообще суть средства мены. Следовательно, правительство, выпуская ассигнации, меняет их на произведения какого-либо труда. Но кто бы согласился променять или продать свои произведения на бумагу, если бы бумага сия не имела никакого достоинства? В чем же состоит сие достоинство? Оно состоит единственно в обещании зачесть сию бумагу в число податей. Следовательно, новое богатство приобретается выпуском ассигнаций, но единственно издерживаются впредь те самые долги, кои должны бы были поступить в казначейство в свое время в виде податей, и сила ассигнаций в окончательном счете опирается на тех квитанциях, кои выдаются из казначейства при взносе их в счете податей. *Ассигнации действительно ассигнуют только зачет податей*, и выпуск их есть не что иное, как мена податей еще не поступивших, но поступить имеющих на произведения труда, потребные правительству, мена весьма полезная и часто весьма

нужная, но мена, ничего не прибавляющая к составу ни казенного, ни частного дохода.

В чем же состоит действительная польза ассигнаций? *Для правительства* она состоит в том, что посредством их оно приобретает потребности, ему нужные, в кредит, т. е. прежде, нежели поступят к нему его доходы; *для частных людей* польза состоит в быстроте хозяйственных и торговых оборотов, т. е. в том: 1) что частные люди могут поставлять свои произведения правительству благовременно и не ожидая, когда поступят его к нему доходы; 2) что в полной уверенности зачета в казначействах они могут употреблять их как средства мены, как действительные деньги во взаимных между собою делах и употреблять с большею еще выгодой, нежели металлические деньги, по причине их легкости и по удобству перемещения.

Такова есть польза ассигнаций во время их равенства. И сия-то неоспоримая, очевидная польза была главным поводом или, так сказать, приманкою повсеместной почти попытки к их введению.

Первые опыты везде были удачны, везде ассигнации доставляли правительству весьма выгодный *заем под залог будущих его доходов*, везде они оживляли и расширяли частную промышленность; но сие продолжалось недолго, и именно только дотоле, доколе они стояли в соразмерности с действительною монетою. Как же скоро переступали они сей предел, то польза их умалаялась, и наконец они обращались решительно с убытком. Следовательно, здесь все дело состоит *в соразмерности*. Но как определить сию соразмерность? Она зависит не от одного количества ассигнаций и не от одного отношения их к доходам, но от множества других обстоятельств, как-то: от количества торговых оборотов, от внешних курсов, от расширения или стеснения того круга, в коем ассигнации обращаются. Определить с точностию все сии условия, столь многосложные и столь переменчивые, есть дело почти невозможное. Посему-то все почти правительства в выпуске ассигнаций шли, так сказать, наудачу, и не прежде удостоверились в несообразности их, как когда уже упадок их стал ощутителен.

2. ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ АССИГНАЦИЙ

Падение ассигнаций у нас началось, как выше уже было означено, с 1788 г., т. е. год спустя после того, как к прежним 40 000 000 прибавились новые выпуски, так что когда в течение

3-х последующих лет выпущено было всего 100 000 000, то достоинство их с 97 упало на 92, потом на 91, а в последующий 1790 г., когда к прежним 100 000 000 прибавлено еще только 11 000 000, они упали до 87, и с тех пор уже вместе с ежегодными выпусками они ежегодно более и более упали; в то же самое время понизились и все заграничные курсы на бирже: курс на Амстердам от 39 штиверов упал на 34, в следующем году — на 30 и так далее.

Кто терял от сего упадка? Прежде всех и более всех тут теряла казна. Ассигнации, в течение года выпущенные, возвращались к ней в последующем году в виде доходов, хотя в том же счете, но уже в меньшем достоинстве. Так, например, в 1790 г. ассигнаций по счету было 111 000 000, но в виде доходов они уже составляли только 96 000 000. Следовательно, казна в доходах своих утратила 15 000 000. В 1801 г. масса ассигнаций составляла 221 000 000, а в виде доходов они составляли не более как 146 000 000, т. е. 75 000 000 менее против цены их именованной. В 1810 г. 577 000 000 составляли в доходах не более 199 000 000, т. е. 378 000 000 менее цены их именованной, а наконец в исходе сего периода, с 1810 по 1815 г., все огромное их количество, 761 000 000, составляло в доходах не более как 187 000 000. В течение того же самого времени соразмерно тому упали и биржевые курсы, как-то, например, курс на Амстердам от 39 штиверов упал на 9 штиверов.

Если каждый выпуск есть не что иное, как заем на счет будущих доходов, то здесь вопрошается: какой рост несла казна при сем зачете? Она несла сначала 1 %, потом 3 %, потом 8 %, 10 % и 30 % и так далее постепенно, наконец она несла росту 75 %. Никому она не платила сего росту (и в сем-то, между прочим, состоит вся иллюзия ассигнаций), но она теряла его тем не менее действительно, в постепенном понижении ее доходов.* Толь значительный ущерб в доходах был отчасти

* Возьмем, для примера, подушную подать. Положим, что она в 1788 г. составляла, как и ныне, 3 руб. Но как рубль тогда составлял в ассигнациях 92, то вместо трех рублей казна получала уже 2 руб. 76 коп.: убыток для нее был 24 коп.; в 1810 г. те же три рубля в ассигнациях составляли уже только 99 коп.; следовательно, убыток для нее был 2 руб. с копейкою. В 1811-м и последующих годах, когда рубль ассигнационный дошел до 25 коп., она получила уже вместо прежних трех рублей 75 коп., и следовательно, убыток ее составлял 2 руб. 25 коп. Здесь должно заметить, что убыток сей был бы для нее несносен, если бы он весь падал, так сказать, лично на казначейство, но он раздроблялся на все те лица, кои состояли с ним в связи по обязанностям службы или дел, и сия-то раздробительность делала его не столь тяжким, хотя для всех более или менее чувствительным. К сему должно присоединить еще и то обстоятельство, что хотя от понижения ассигнаций цены на вещи возвышаются, но возвышаются не в одинаковой соразмерности. Сила производительная часто превышает силу потребностей.

вознаграждаем прибавкою в податях и пошлинах; так, например, в 1810 г. сделаны значительные налоги, но сей образ вознаграждения, всегда трудный, не мог быть возобновляем ежегодно, между тем как падение ассигнаций усиливалось ежегодно. Другой способ вознаграждения мог бы быть в понижении цен на вещи, но, напротив, с понижением монеты цены на вещи обыкновенно возвышаются. По счастью, сие возвышение у нас не было соразмерно упадку ассигнаций. Производительные силы возрастали быстрее, нежели потребности.

За убытками казны следуют убытки частных лиц. Здесь потери не для всех равны; напротив, одни теряли без вины, другие приобретали без права.

Теряли все должностные лица, все, получающие жалование или пенсии, все те, кому казна была должна, теряли все кредитные установления, все капиталисты, все заимодавцы. Потеря их была двояка: они теряли от понижения иностранных курсов в потребностях, получаемых посредством внешней торговли; они теряли от понижения ассигнаций в потребностях внутренних, ибо хотя, как выше примечено, цены на вещи и не возвышались в той же мере, как упали ассигнации, все, однако же, было возвышение. Но то, что увеличивало сии потери для всех, это была их неизвестность и внезапность. Как выпуски ассигнаций были хотя и ежегодны, но не равны, то и нельзя было сделать впредь никакого правильного расчета, никакой предварительной сметы ни доходов, ни расходов. Неизвестность умножилась еще и оттого, что упадок ассигнаций обнаруживался не вдруг при каждом их выпуске, но становился явным уже тогда, как они совершали весь круг своего обращения, иногда через год и более.

Приобретали, напротив, от упадка ассигнаций все те, кои должны были другим, и особенно в отдаленные сроки, ибо они платили униженною монетою то, что занимали высшею.

Правда, что как потери, так и приобретения уравнивались отчасти тем, что одно и то же лицо могло быть и заимодавцем и должником, и продавцом и покупателем. Без сомнения, во многих случаях от сего смягчались потери, но не во всех, ибо не все в той же мере суть производители и потребители; многие, напротив, живя определенными доходами, могли постоянно терять и ничего не приобретать.

Сверх убытков есть еще одно последствие упадка ассигнаций, которое здесь должно заметить. До 1788 г. рубль серебряный у нас был твердою монетною единицею не только в

законе, но и в практике. Подати и пошлины большею частию вступали серебром; все приходы и расходы исчисляемы были на серебро; самое золото оценивалось серебром по внутреннему сравнительному его достоинству. Монета медная хотя не всегда в цене ее соответствовала серебру, но вознаграждала сей недостаток потребностью ее в мелких разменах: она беспрепятственно принималась за серебро. Сей порядок вещей, сие единство монетной нашей системы начали изменяться с 1788 г. По мере того как умножились выпуски ассигнаций и по мере того как они упали, серебро начало скрываться из обращения и наконец почти совсем скрылось; ассигнации заняли место действительной монеты; по ним стали исчислять и биржевые курсы; они стали настоящими деньгами, а серебро сделалось товаром.

В 1810 г., когда положено было на время остановить выпуск ассигнаций и принять обратный ход, вместе с тем обращено было внимание и на монетную нашу систему. В устройстве ее принято основанием прежнее правило, и рубль серебряный в манифесте снова провозглашен был монетною единицею.

Выше (в истории ассигнаций) было уже означено, что все меры 1810 г. прерваны были войною, и как легко можно было предвидеть, что во время войны нельзя помышлять о погашении ассигнаций, напротив, близкою тогда представлялась необходимость новых их выпусков, то и надлежало помышлять о том, как возратить или усилить к ним доверие. В сем-то намерении в 1812 г. объявлено было, что все платежи по долгам, даже и на серебре основанным, могут быть уплачиваемы ассигнациями по курсу. Сим постановлением не единица монетная изменилась, но дан был ассигнациям принужденный ход (*cours forcé*), коего прежде они не имели, ибо по прежнему правилу долги на серебро платились серебром. Очевидно, что это было временное отступление от правила, вынужденное необходимостью, ибо в 1815 г., как скоро миновала сия необходимость, план 1810 г. возобновлен и расширен, и снова положено было все приводить к серебру как к твердой и неизменяемой единице. Но как нельзя было сего достигнуть вдруг, то впоследствии и принято правилом устанавливать между серебром и ассигнациями ежегодное отношение, или так называемый казенный курс.*

* Сперва для пошлин таможенных, потом для некоторых податей и сборов, а наконец, и для всех казенных податей.

Следовательно, не странное какое-то заблуждение правительства в деле столь простом и ясном, но *сила обстоятельств*, военная необходимость были единственною причиною отступления от того общего коренного нашего правила, что серебряный рубль есть у нас действительная монетная единица.

В сем состоят главные последствия упадка ассигнаций.

Последствия сии весьма естественны, и не у нас одних они обнаружались. Система ассигнационная не у нас изобретена; она была в Швеции, Дании, в Австрии, во Франции, даже в Америке, и везде производила те же последствия, везде началась периодом равенства, и в сем периоде являла благотворные действия, ускоряла движения торговые, содействовала промышленности, не рождала новых богатств, но поощряла труд, споспешествовала к скорейшему расширению богатств естественных. Потом, перейдя пределы сего периода и вступив в период падения, хотя и в сем периоде она еще являла скорое пособие во внезапных нуждах государственных, но сие пособие впоследствии стоило дороже займов, даже и убыточных, ибо ассигнации при упадке их расстраивают все части внутреннего хозяйства, все цены приводят в неизвестность и ежедневную переменчивость, все денежные договоры становятся гадательными: одни выигрывают без труда, другие проигрывают без причины, никакой труд, никакое предприятие не обеспечено твердым и надежным расчетом.

Быв завлечены обстоятельствами в сию бездну, все правительства старались из нее выйти, и вышли одни с большим, другие с меньшим пожертвованием, но все с *тяжкими долгами*. Мы остались в ней последние.

Выше (в истории ассигнаций) были означены меры, в 1810 г. принятые, но войною прерванные, потом в 1815 г. возобновленные и наконец в 1824 г. приостановленные, меры, принятые к тому, чтоб сперва остановить падение ассигнаций, а потом дать им обратный ход. Меры сии произвели отчасти свое действие: падение остановлено, и ассигнации начали возвышаться. Рассмотрим последствия сего возвышения.

3. ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЫШЕНИЯ АССИГНАЦИЙ

Как от упадка ассигнаций не все равно несли потери и, напротив, некоторые приобретали прибыль, так и в обратном их движении одни приобретают, другие терпят убытки.

Прежде всех, по-видимому, приобретает прибыль казна: она получает свои доходы в монете, коей достоинство ежегодно возрастает; но сей прибыль, во-первых, обращается в отягощение всех платящих подати и в существе своем составляет ежегодный новый налог, тем более обременительный, что количество его зависит не от соображения государственных нужд со способами податных лиц, но от случайных обстоятельств, более или менее возвышающих достоинство ассигнаций. Во-вторых, есть налоги, кои установлены были во время упадка ассигнаций и расчислены соразмерно тогдашней их цене. Ныне при возвышении их они выходят уже из той меры, какая для них была предназначена. В-третьих, наконец, с тех пор как по причинам, весьма уважительным, допущен платеж податей серебром по определенному и уже несколько лет неизменяемому курсу, самый прибыль казны значительно умалился, и будет умаляться по мере того, как серебро будет дешеветь и вливаться в казначейство.

Вслед за казною, по-видимому, приобретают кредитные наши установления, но сие приобретение, *во-первых*, отягощает их заимщиков, и *во-вторых*, даже и для самых сих установлений оно есть только мнимое, ибо в существе своем вся прибыль обращается в пользу тех лиц, коих вклады составляют главный капитал банков.

Между тем все произведения труда дешевеют или не находят выгодного им избытка. Они дешевеют не только от возрастающего их количества, но и от возвышения ассигнаций. От сего теряют не только помещики в их оборотах и во всех хозяйственных их избытках, но и вообще все производители в разных предметах их продажи.

Но потеря, возбуждавшая в последнее время наиболее жалоб, есть разнообразие так называемых *простонародных курсов*.

Под именем *курса* в делах торговых всегда разумели курс вексельный, т. е. цену денег при переводе их посредством векселей с одного места на другое. У нас под сим всегда разумели *курс заграничный*.

Сверх вексельного перевода бывал всегда на биржах и во внутренней торговле еще наличный промен одной монеты на другую. Так, у нас всегда существовал промен серебра на золото, меди — на серебро, а по введении ассигнаций явился *промен*, или *ажю*, и на сию монету.

Но между сим *ажю* и тем, что ныне называют *лажем*, большая есть разность, хотя последний, по-видимому, не что иное есть, как простонародное выражение первого.

Ажио употребляется при смене оной монеты на другую. Так, например, когда серебряный рубль в ассигнациях составлял 400 коп., тогда ажио составляло 300; когда рубль стал оцениваться в 360 коп., тогда ажио было 260; словом сказать, ажио означает число единиц, коими ассигнационный рубль понизился, отстал от первоначального его достоинства, равного серебру.

Лаж, напротив, употребляется при покупке товаров как наличной, так и долговой. При покупке наличной он означает те проценты, коими при платеже за товар серебром возвышают серебро против разменной его цены, а при платеже ассигнациями он означает те проценты, кои уступаются из цены товара на ассигнации. Изъясним сие с некоторою подробностью.

При каждой наличной покупке вошло у нас в обычай вместе с объявлением последней цены вещи постановлять между продавцом и покупателем два вопроса: 1) серебром или ассигнациями должен быть произведен платеж? и 2) по какой цене приняты будут продавцом серебро или ассигнации? Положим, что товар сторгован за 100 руб. и что покупатель решился заплатить сию цену серебром. Продавец назначает цену серебру выше биржевой; так, например, когда биржевая цена есть 352, продавец принимает здесь серебряный рубль (в Санкт-Петербурге) в 375 коп., и следовательно, принимает ее выше 23 коп., и сия придача, составляющая почти 6 % ($\frac{23}{4}$), есть *лаж*. По тому же самому расчету он принимает платеж и ассигнациями, полагая каждый ассигнационный рубль в 106 коп., и следовательно, уступает сторгованную вещь за 94 руб., т. е. уступает из цены ее 6 %, и сия уступка есть *лаж*.

Сравним теперь сей расчет с биржевым: при покупке товара сторублевую ассигнацию принимают за 106 руб., но в то же время 100 рублей серебром оценивают и принимают не в 352, как на бирже, но в 375. Отсюда следующая пропорция:

$$106 : 100 = 375 : 353 \text{ руб. } 77 \text{ коп. с дробью.}$$

Следовательно, разность в цене серебра на ассигнации между Петербургскою биржею и вольною продажею есть только 1 руб. 77 коп. на сто рублей.

Но для чего продавец не следует просто биржевому курсу? Для чего оценивает он серебряный рубль не в 352, но в 375? Причина очевидна. Если бы он следовал биржевому курсу, то ему надлежало бы с переменою его переменить все свои товары, и то, что продавал вчера за 100 руб., сегодня

должен был, по возвысившемуся на ассигнации курсу, продавать уже за 98, завтра — с новым возвышением, за 94, и так далее. Избегая сего важного неудобства, он предпочитает те самые проценты, кои надлежало бы ему убавить у товара, вычесть из платежа. Так, например, если бы он оценивал рубль серебряный в 352, тогда при заключении продажи он не мог бы уступить по 6 % на ассигнации; возвышая же его до 375, он, с одной стороны, сохраняет цену своего товара, а с другой — обольщает покупателя мнимой уступкою, какою бы монетою он ни решился произвести платеж. Если он решился заплатить серебром, то ему кажется, что он выигрывает в цене серебра 23 коп. ($375 - 352$), т. е. почти 6 на 100 ($23 \frac{1}{4}$). Если он заплатит ассигнациями, то он, по-видимому, также выигрывает 6 на 100, ибо платит за сторублевую вещь 94 рубля.

Сего не довольно: выдуман еще счет, более обольстительный: в Москве и на ярмарках 100 руб. серебром принимаются не в 375, но в 420, и сообразно тому при платеже ассигнациями вещь, сторгованную за 100 руб., уступают за 80 руб., т. е. уступают уже не 6 %, но 20 %, или, что то же есть, 100 руб. ассигнациями принимают за 120 руб. на монету. Отсюда следующая пропорция:

$$120 : 100 = 420 : 350.$$

Следовательно, разность в цене серебра на ассигнации между Петербургскою биржею и продажною ценою московскою есть 2 руб. на 100 руб.

Таково есть значение лажа при наличной покупке. Тот же самый счет употребляется и при платеже частных долгов. Тот, кто купил товар в долг, при платеже через год по условленной цене может не без основания думать, что он платит лишнее, ибо платит ассигнациями, коих цена через год возвысилась. Что делать продавцу? Доправлять долг судом, или согласиться на уступку и принять платеж по счету на монету? Обыкновенно он предпочитает последнее.

В общем виде простонародный лаж есть не что иное, как особенного рода счет биржевого курса, изобретенный сперва мелкими торговцами,* потом принятый и в торговле оптовой и введенный для того, во-первых, чтоб не переценивать товар по изменениям биржевого курса, и во-вторых, для того, чтоб

* Вероятно, евреями.

дать вид уступки из действительной цены товара и сею дешевизною обольстить покупателя, ибо мнимая разность между курсом в 352 и 375 — разность 23 коп. — содержится уже в тех 100 руб., коими первоначально оценивается товар. Без сей разности продавец просил бы за него не 100, но 94 руб. Для покупателя сведущего сие обольщение есть просто игра; он знает, что когда с него просят за товар 100 руб. монетою, то под сим разумеют действительно 94 руб., и на сем основании он торгуется с продавцом. Но другое дело, когда торг идет между купцом и простым поселянином: тут обольщение есть уже действительный обман.

Крестьянин продает на рынке рожь и назначает цену ей ассигнациями. Купец, и купец даже добросовестный, торгует ее на серебро, а серебро оценивает в 375 коп. рубль. Уверившись в действительности сей цены во всех других продажах, крестьянин заключает торг и думает, что он в самом деле получил в каждом рубле 375 коп., но в казначействе сей самый рубль превращается уже в 360 коп. Если же он понесет его к менялам, то самый добросовестный из них заплатит ему только 352 коп. Таким образом, он теряет в первом случае 15 коп., а во втором — 23 коп. на каждый серебряный рубль, и теряет единственно оттого, что он не знает хитросплетного механизма лажа. Если бы он его знал, тогда он сию потерю или вознаградил бы прибавкою в цене своего произведения, или принял серебряный рубль не более как в 352 или в 360 коп.

Таково есть истинное значение *лажа*, и сие-то самое называется *простонародным курсом*, или *ценою товара на монету*.*

Но откуда произошли сии простонародные курсы, когда прежде и при падении ассигнаций их не было?

При падении ассигнаций случаи промена их на серебро были весьма редки; серебро непрестанно дорожало и скрывалось; во внутреннем обращении оно почти было уже непригодно, а потому и счет на него встречался редко. Вся внутренняя торговля производилась на ассигнации; вещи дорожали и цены их изменялись, но счет был всегда один, и исключительно ассигнационный.

Но как скоро ассигнации остановились и начали возвышаться, серебро стало дешеветь и везде проникать в обраще-

* Смотри в Приложении под буквою А о различии и сходстве биржевого и простонародного счета в лаже.

ние. Известно, что в течение трех лет (1817, 1818 и 1819) правительством сделано и выпущено одних серебряных рублевиков с лишком 34 000 000, не считая мелкого серебра, между тем как ежегодный выпуск сей монеты во все прочие годы составляет от 2-х до 4-х миллионов рублей в год. Самый обильный выпуск был в 1829 и 1830 гг.: он составлял в первом 5 000 000, а во втором 6 000 000. К сему присоединить должно одно весьма важное торговое обстоятельство.

По официальным таможенным отчетам видно, что в два десятилетия, т. е. с 1814 по 1824 г. и потом с 1824 по 1834 г., серебра и золота за вычетом того, что от нас отпущено, привезено и осталось в России в первое десятилетие на 260 000 000, а во второе — на 262 000 000, всего же на 522 000 000. Куда девались сии миллионы? Опять вывезены? Но это суть миллионы, оставшиеся у нас за вычетом всего, что вывезено. Неужели хранятся они в сундуках? Но известно, что торговые люди не держат денег без оборота. Часть сих миллионов могла быть обращена на уплату перевеса в торговом балансе, но кто же получил сию уплату, как не производители внутренней торговли?

Между тем по другим внутренним сведениям известно, что как скоро ассигнации начали возвышаться, появились везде во внутренних наших губерниях значительные массы серебра и золота, и своего и иностранного, особливо с 1831 г., на всех ярмарках, везде было серебро и золото и весьма мало ассигнаций.

Остается сказать, каким образом монета сия туда переместилась. Изъяснение не трудно. Известно, что все наши отпускные товары в портовых городах покупаются, по законам иностранных торговых домов, через здешние их конторы. Известно также, что покупка сия производится всегда почти поставками наших внутренних торговцев на сроки, с платежом им иногда половины, иногда двух третей, а иногда и всех денег вперед, а деньги сии большею частию суть серебро и золото.

Таким образом, внутреннее наше монетное обращение, состоявшее прежде, т. е. при падении ассигнаций, почти исключительно из них одних, теперь при повышении их состоит уже из двух родов монеты: из ассигнаций и серебра. Но тот, кто имеет серебро, по необходимости ищет ассигнаций, *первое*, по удобствам их перемещения, *второе*, потому, что они возвышаются, а серебро упадает, и *третье*, наконец, потому, что они нужны для платежа долгов в кредитных

установлениях, и для держателей питейных откупов они нужны для взноса в казначейство, куда 1/5 часть* только принимается серебра, между тем как продажа винная вся почти производится на серебро. Посему размен, прежде редкий, ныне стал делом ежедневным, настоящим, общенародным.

Отсюда возник новый род промышленности, появились *менялы*, не только в больших, но и в самых малых городах. Сей род торговли, быв основан на нужде и потребности, сам по себе не был бы предосудителен, но он подвергся общему нареканию потому, что не имеет, подобно другим родам торговли, никакого твердого правила, никакого обуздания корыстолюбия; тут нет ни соревнования, ни преобладающей силы капиталов, которая, умеряя произвольные расчеты мелких спекуляций, приводила их к умеренности и единообразию.

Изложив, таким образом, в предыдущих трех отделениях: 1) состав монетного обращения, 2) историю его в нашем отечестве, 3) последствие введения системы ассигнационной в трех ее эпохах, мы тем самым поставили себя в возможность точнее определить силу и пространство настоящего вопроса.

IV. СИЛА ВОПРОСА

Вопрос первоначально состоял только в том, как прекратить простонародные разнообразные курсы; он возник еще в 1834 г., и на совещаниях в финансовом комитете, тогда бывших, положено было ограничиться на первый раз тем, чтобы запретить счет на монету во всех письменных обязательствах, но в то же время положено было вникнуть впоследствии точнее в коренные причины появления сих курсов и промыслить способы к их прекращению. Одним из способов, к сему представлявшихся, а именно запрещение лажа, не только в обязательствах письменных, но и при личной покупке и продаже и во всех вообще торговых оборотах, при рассмотрении в Государственном Совете (в 1838 г.), встретил разные затруднения и не был принят.

Положим, однако же, что способ сей был бы принят и что он даже произвел бы полное свое действие; положим, что

* По условиям на нынешнее четырехлетие положено принимать 30 на 100 серебром.

лаж на монету прекратился бы повсеместно: что из сего следует?

Вникая ближе в существо лажа, теперь с очевидностью доказано, что он есть тот же самый биржевой курс, выражаемый только другими цифрами, другим счетом. Следовательно, прекращение лажа было бы только прекращением сего простонародного счета, но биржевой курс серебра на ассигнации остался бы при сем во всей его силе, ибо он основан на самом существе дела, на постепенном повышении ассигнаций. С прекращением простонародного лажа прекратилось ли бы сие повышение и все необходимые его последствия? Напротив, ассигнации по самому естественному их ходу, быв оставлены собственному их движению, и по прекращении лажа непременно будут и должны возвышаться, а с тем вместе: 1) ежегодно будут возрастать подати и налоги; 2) будет ежегодно возрастать тяжесть долгов кредитным установлениям; 3) ежегодно будет возрастать тяжесть и всех частных долгов. Все сие последствия столь тесно связаны с движением ассигнаций, что отделить их от него столько же невозможно, как нельзя отделить действия от причины. Следовательно, все меры должны быть обращены теперь *на причину*, на самый ход ассигнаций. Исправить, преобразовать его: вот в чем окончательно ныне состоит сила вопроса.

V. МЕРА ИСПРАВЛЕНИЯ

Выше было означено, что монетное обращение у нас складывается из трех систем: из системы монетной, ассигнационной и кредитной. Таков был его состав и во многих других государствах, доколе, наученные бедственными опытами, они не исключили из круга монетного обращения системы ассигнационной и не привели его к двум элементам: к монете металлической и к установлениям кредитным.

В своем месте мы изъяснили уже существенное различие между ассигнациями и кредитными бумагами. Припомним его кратко. Сила кредитных бумаг* состоит в том, что они

* Из определения кредитных бумаг, в своем месте означенного, само собою явствует, что под сим не разумеются обязательства, под именем фондов или *Effets publics* известные.

уплачиваются наличными деньгами или из банков по предъявлению, или из казначейства в положенные сроки. Сила ассигнаций, напротив, состоит в том, что они ассигнуются на казначейства и принимаются там в счет податей, но не уплачиваются другою монетою.* Ассигнации выпускаются правительством по нуждам его, в счет его доходов; билеты банковые выдаются или под залог металлов, или под залог векселей.** Билеты казначейские выпускаются хотя также в счет будущих доходов: но они несут с собою всегда известные проценты и уплату в сроки. Отсюда происходит: 1) что ни те ни другие не подлежат ни упадку, ни возвышению, ибо те и другие платятся наличными деньгами;*** 2) что они не влекут с собою тех вредных последствий, какие мы видели в разных эпохах движения ассигнаций. Могут быть, и действительно бывали, примеры затруднений и в ходе кредитных бумаг от бедствий войны или от худого банков управления, но затруднения сии, как временные, разрешаются обыкновенно мерами также временными, и все приходит в прежний порядок; 3) кредитные бумаги умножаются по мере действительной потребности, т. е. по мере размножения торговли и промышленности; в ассигнациях, напротив, найти и определить настоящую их соразмерность почти невозможно.

* Из сего видно, сколько неправильно смешивают иногда наши ассигнации с кредитными бумагами и даже называют их «des billets de Bangués», или «Papiergeld», но они не суть ни то ни другое, ибо существенное свойство кредитных бумаг есть то, что они где-нибудь уплачиваются (реализируются) на чистые металлические деньги, а для наших ассигнаций нет установленного платежа (реализации). Из сего следует, что и возвышение их никак нельзя применить к возвышению кредитных бумаг: оно означает только то, что ассигнации, оставаясь в определенном единожды для них количестве, между тем как серебро непрестанно умножается, естественно, в сравнении с ним становятся реже и потому дорожают.

** Так, например, из Английского банка не исходит ни одного билета, ни одного обязательства, коему бы не было в банке соответствующего обеспечения в верном векселе, в казначейском билете или в наличном металлическом вкладе. По счету банка с 14 ноября 1837 г. было в нем:

Векселей и казначейских билетов	23 985 000
Серебра и золота наличного	7 417 000
	<u>31 402 000</u>
Напротив, из банка выпущено билетов	18 344 000
Обязатель на вклады	10 242 000
	<u>28 586 000</u>

*** Казначейские билеты в Англии хотя и имеют обращение на бирже, но изменение их состоит единственно в количестве процентов.

Из сего видно превосходство кредитных бумаг пред ассигнациями и выгоды *предложения* последних в первые.

Сии-то самые выгоды и бедственные опыты падения ассигнаций заставили все правительства, где введены были ассигнации, изъять их из монетного обращения, *переложив их в билеты кредитные*.

Первый шаг у нас к сему сделан: он сделан тем самым, что система ассигнационная из прежнего *неопределенного* состояния приведена уже *в определенное*, и дальнейший выпуск ассигнаций навсегда оставлен, — шаг весьма трудный, но только еще первоначальный; надлежало продолжать, но здесь представлялись, и ныне еще представляются, разные пути.

Первый путь — уменьшать постепенно число ассигнаций посредством выкупа их на серебряную монету, доколе не придут они в равенство с серебром.

Сей путь избран был в 1810 г. и потом возобновлен в 1815 г. Он имеет два важных неудобства: 1) если выкуп производить медленно и малыми количествами, то операция чрезмерно долго будет продолжаться, и между тем должно будет переносить все неудобства ассигнаций; если, напротив, выкуп будет производим быстро и в больших количествах, то от сего произойдут в торговле и промышленности сильное замешательство и потрясение; 2) положим, что операция будет кончена и ассигнации поравняются с серебром, как удержать их в сем равенстве? Они непременно будут возвышаться, и тогда надобно будет или дополнять их, т. е. переделывать снова то, что было уничтожено, или снова терпеть все те же неудобства повышения.

По затруднениям, столь очевидным, сей путь, как выше уже было замечено, в 1824 г. был оставлен.

Второй путь состоит в предложении ассигнаций в кредитные билеты. К сему нужны двоякие меры: *приготовительные и окончательные*.

1. МЕРЫ ПРИУГОТОВИТЕЛЬНЫЕ

Мера первая. Облегчить и ускорить обращение серебряной монеты установлением особых банковых кредитных билетов, основанных на действительном вкладе серебра так, чтоб каждый билет мог быть во всякое время по первому предъявлению разменен на серебро, и обратно, серебро, откуда бы оно ни

поступило, и на билеты.* Сверх того билеты сии, кои для различия от других можно бы было назвать *сохранными билетами*, принимать во всех казначействах без изъятия вместо серебра, рубль за рубль, а вместо ассигнаций по казенному податному курсу в 360 коп.

Последствия сей меры первой будут следующие:

1. Круг обращения серебряной монеты расширится легкостью и удобностию ее движения.**

2. Сократится потребность ассигнаций, ибо место их в делах между казною и частными лицами займут сохранные билеты.

3. От сокращения потребности в ассигнациях приостановится дальнейшее их возвышение: они перестанут дорожать, и следовательно, курс их, т. е. отношение их к серебру, если не понизится, то по крайней мере остановится в настоящем его состоянии.

Мера вторая. Отменив правило, в 1812 г. введенное, по коему все долги, на какую бы монету они ни были составлены, могут по усмотрению должника быть уплачены ассигнациями по курсу, постановить, напротив, что «все долги, ассигнациями сделанные, как частные, так и казенные, все платежи кредитным установлениям, так и платежи от частных лиц казне и от казны частным лицам следующие, могут быть уплачены серебром или сохранными билетами по установленному законному курсу, а курсом законным всегдашним, неизменяемым, постановить курс податный, ныне существующий».

Последствия сей меры будут следующие:

1. Круг обращения серебряной монеты еще более расширится и обоймет собою все роды платежей.

2. Потребность ассигнаций еще более сократится, ибо прекратится требование на них по долгам в кредитных установлениях, по винным откупам и по таможенным пошлинам — требование весьма обширное и настоятельное.

3. От сего сокращения потребности ассигнаций не только решительно приостановится дальнейшее их возвышение, но и, по всей вероятности, они, понизясь, сблизятся с законным

* Сохранные вклады могут быть на первый раз учреждены при Коммерческом банке. Первые выпуски можно составить из серебра, поступающего в казначейство в виде податей, дабы тем поощрить к таковым же вкладам и частных людей. Должно ли принимать в депозиты мелкую серебряную монету, также серебро и золото в слитках?

** Тысяча рублей серебром составляют около 1 пуда 11 $\frac{2}{3}$ фунтов.

курсом, тем более что и серебро, со своей стороны, в обратном движении будет соразмерно тому возвышаться; таким образом, курс 360 сделается не податным только курсом, но курсом всеобщим, а от сего произойдет:

4. Что двойной счет ассигнаций по цене их именовательной и по цене на монету и все так называемые протонародные курсы сами собою прекратятся.

Первая из сих приуготовительных мер не представляет в исполнении важных препятствий: она требует только ближайшего распорядка и подробных.*

Но вторая мера представляет немаловажные затруднения. Четыре главных вопроса здесь встречаются: какое действие сия мера будет иметь: 1) в кредитные наши установления? 2) на дела казенные? 3) на частный кредит? 4) на биржевые денежные курсы?

Вопрос первый, о действии на кредитные установления. Известно и выше было уже замечено, что наши кредитные установления основаны на началах, различных от всех европейских установлений сего рода. Существенное различие состоит в том, что они не имеют постоянного и определенного капитала, но живут и действуют посторонними вкладами. Вкладчики суть их акционеры, но акционеры непрестанно изменяющиеся в количестве вкладов. Сегодня банки могут быть весьма сильны и богаты, так что не знают, куда девать деньги, а через несколько дней или недель они могут так оскудеть, что могут затрудниться в обратной выдаче вверенных им капиталов. Пределы настоящего рассуждения не позволяют здесь входить в подробное изъяснение всех неудобств настоящего устройства кредитных наших установлений, ни излагать средства к их преобразованию: предмет обширный и важный, требующий особого рассмотрения. Здесь должно ограничиться одним вопросом: можно ли, и до какой степени можно, при настоящем устройстве кредитных установлений ввести в них вновь постановляемое о законном курсе правило?

* Учреждение билетов, основанных на вкладах серебра, представляет еще одну весьма важную выгоду: они будут приумножаться по мере расширения торговли и промышленности и никогда, подобно ассигнациям, не переступят пределов действительной их потребности. Если бы в плане 1815 г. поставлено было, извлекая ассигнации из обращения, в то же время заменять их билетами, основанными на серебре, т. е. выкупать ассигнации на сии билеты, а не прямо на серебряную монету, то нет сомнения, что соразмерность в нашем монетном обращении менее бы изменилась. Известно, что бывший министр финансов обратился к сей мысли в 1822 г., но не успел привести ее в действие.

Известно, что все вклады в них, а следовательно займы из них, производятся ассигнациями; платежи по займам так же производятся ассигнациями. Отсюда три последствия: 1) заимщики, коих доходы ныне большею частию поступают серебром, при наступлении срока платежей принуждены искать ассигнаций, и от сего усиливается их возвышение; 2) от сего возвышения они терпят важные убытки; 3) напротив, от того же самого возвышения вкладчики приобретают значительные выгоды, получая из банка монету, ежегодно возрастающую в ее достоинстве. Ясно, что если дозволено будет заимщикам вносить платежи серебром, то то же самое право по необходимости должно представить и кредитным установлениям при возвращении вкладчикам их капиталов. От сего вкладчики лишаются той прибыли, какую сверх процентов они доселе получали от повышения ассигнаций. Но что означает сия прибыль? Она в существе своем означает тот убыток, который именно от того же самого возвышения несут заимщики. Следовательно, лишение сей прибыли есть справедливое уравнение заимодавцев и должников.

Не произойдет ли от сего вредного ажиотажа? Не будут ли заимодавщики банка разменивать ассигнации на серебро сперва по биржевой их цене, т. е. по 351, и потом вносить серебро сие в банк по 360? Мы обратимся к сему вопросу ниже сего, при рассмотрении биржевых курсов.

Вопрос второй, о действии вновь постановленного правила на дела казенные. В делах казенных к двум только ветвям доходов, а именно к доходу *питейному и таможенному*, может прикасаться вновь постановляемое правило.

В условиях *винных откупов* постановлено: «принимать от содержателей одну только 5-ю часть серебра,* прочее все ассигнациями», — условие, для них стеснительное и для равновесия серебра и ассигнаций вредное, ибо известно, что винная продажа ныне большею частию производится на серебро, а размен сего серебра на ассигнации естественно возвышает их цену. Посему вновь постановляемое правило не только не будет тягостно держателям, но, напротив, принесет им очевидные выгоды, и здесь подлежать будет к рассмотрению другой вопрос: должно ли предоставить им сии выгоды даром, или с некоторым от них возмездием? Вопрос сей должен быть предоставлен особенному рассмотрению министра финансов.

* Ныне 30 на 100.

Известно, что *таможенные пошлины* с самого их начала всегда вносились серебром, которое доставлялось обыкновенно здесь разменом на ассигнации; от сего ассигнации еще более упали, а серебро дорожало. Теперь, когда ассигнации дорожают, а серебро дешевеет, надлежит обратиться к прежнему правилу: оно будет сообразнее настоящему дел положению.

Есть еще одна сторона, коею правило о законном курсе прикасается к пользам казны. С возвышением ассигнаций возвышаются казенные доходы если не в числе их, то в достоинстве. Но выше, в своем месте, мы уже видели, что сие приращение в доходах есть не что иное, как новый ежегодный налог.

Вопрос третий, какое действие будет иметь вновь постановляемое правило на частный кредит? В частных долговых делах и теперь уже правило сие наблюдается, ибо и теперь частные долги платятся не иначе, как с вычетом лажа, т. е. с приведением ассигнаций в монетное их достоинство, что и называется курсом на монету. Разность будет только та, что теперь рассчитывается курс на монету по курсу биржевому, а тогда будут приводить его к курсу общему, законному, и следовательно, заимодавец будет тогда менее терять, нежели теряет ныне.

Вопрос четвертый, о действии вновь постановляемого правила на биржевые денежные курсы. Вопрос сей есть один из важнейших, ибо если денежный промен на бирже и при вновь постановляемом правиле будет так же разниться от общего курса законного, как он ныне разнится от курса податного, то ясно, что от сего произойдет новый ажиотаж, т. е. каждый, обязанный платежом в казну или кредитные установления, найдет выгоду сперва променять свои ассигнации на бирже и вырученное там, например, по 351 коп. серебро поместить потом за 360 коп. в виде платежа в казну или в кредитное установление. Следовательно, сила вопроса состоит здесь в том: можно ли предполагать, чтоб при законном курсе на ассигнации биржа удержала свой особенный и от общего отдельный денежный курс? К разрешению сего вопроса могут послужить следующие соображения.

1. Биржевой денежный курс в настоящем его положении весьма мало имеет связи и соразмерности с курсом вексельным. Мы многократно видели, что в то самое время как вексельный курс возвышался, денежный упал, и напротив; следовательно, денежный промен на бирже зависит не от

положения заграничных торговых дел, но он управляется теми же началами, какие вообще свойственны всем отраслям торговли внутренней, т. е. когда капиталисты, имеющие в руках серебряные деньги, находят выгоду разменять их на ассигнации, и когда требования сего рода, стекаясь в значительном количестве, производят прилив серебра на бирже, тогда оно дешевеет, а ассигнации дорожают, тогда за тот же рубль серебряный, за который вчера давали на бирже 352, ныне дают уже 351 коп. Но здесь вопрошается: когда, в каких именно случаях капиталист может найти для себя нужным или выгодным менять серебро на ассигнации? Нужда для сего может состоять только в двух случаях: в случае платежа в кредитные установления или платежа в казну в счет питейного дохода. Но если оба сии случая будут отрешены общим правилом законного курса, то тем самым отрешится и самая нужда искать на бирже ассигнаций. Остается выгода или спекуляция. Но какую спекуляцию можно основать на промен серебра на ассигнации? Заграничную? Но за границею ассигнации не имеют ходу. Внутреннюю для удобства в пересылке или перемещении? Но вместе с постановляемым о законном курсе правилом предполагается учредить вклады серебра и промен их на кредитные билеты. Следовательно, капиталисты не найдут ни нужды, ни выгоды менять на бирже серебро на ассигнации, и следовательно, биржевой денежный курс, если он и будет существовать при курсе законном, то не будет иметь значительной с ним разности.*

2. Рассмотрим другой случай, первому противоположный. Купец, обязанный платежом в чужих краях, находит для себя выгоднейшим произвести сей платеж натурою, нежели векселями. Он ищет на бирже серебра или золота и, естественно, желает приобрести его на ассигнации дешевле, нежели по законному курсу. В слитках, без сомнения, он найдет его дешевле, но не в монете, ибо монета, и особливо монета серебряная, со введением вновь постановленного правила о законном курсе найдет у нас столь обширное внутреннее помещение в казне, в податях, в питейных сборах, в кредитных установлениях, что нет вероятности, чтоб достало ее еще сверх того и на вывоз за границу.

* Нужно ли будет после сего самый вексельный курс означать на ассигнации, и не лучше ли означать его на серебро, как то делается на всех биржах Европы и как делалось у нас всегда до 1787 г.?

Разрешив сим образом все главные вопросы, к мерам приуготовительным относящиеся, поступим к рассмотрению меры *окончательной*.

2. МЕРА ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

Выше уже было означено, что мера *окончательная* состоит в переложении ассигнаций в сохранные билеты, основанные на действительном вкладе серебра.

Не прежде как когда уже все меры приуготовительные восприимут полное свое действие, можно будет поступить к мере *окончательной*. Посему предполагается: 1) что билеты сохранные, быв введены сперва правительством и потом частными людьми, вошли уже в обширное употребление; 2) что курс податной провозглашен уже курсом законным и неизменяемым; что по сему курсу во всех кредитных установлениях, во всех делах казенных принимаются все платежи серебром или сохранными билетами вместо ассигнаций и что вследствие сего курс сей сделался уже не только по закону, но и по употреблению всеобщим, и следовательно, исчезли уже все престопадные курсы и самый биржевый денежный курс подчинился курсу общему: когда все сии предположения на самой практике уже сбудутся и сделаются всем явными, тогда можно и должно будет приступить к мере *окончательной*.

Главные черты сей *окончательной* операции состоят в следующем:

1. Переложение ассигнаций в сохранные билеты производить не вдруг и небольшими количествами, но постепенно и, однако же, непрерывно, определив на сие ежегодно известное количество серебряной монеты.

2. Монету, на размен ассигнаций потребную, приобретать займом внутренним или внешним, но никак не касаться ко вкладам сохранной кассы, кои должны быть, как *депозиты*, во всех случаях неприкосновенны.*

3. Размен производить не прямо на монету металлическую, но на сохранные билеты, так чтоб сумма размена в серебре, в виде вкладов, всегда проходила чрез сохранную

* По первому взгляду займов 15 000 000 серебром, ежегодно вносимых, можно окончить всю операцию в 10 лет. Проценты по 5 % на 15 мил. составят около 75 тыс. ежегодно, а в 10 лет они возрастут до 7 мил. 500 тыс. рублей, если не будет капитала погашения.

касу. Таким образом, масса обращающихся в публиче бумаг нимало не умалится в своем достоинстве, но изменится только в именовательной цене. 25-рублевый сохранный билет будет так же ходить и заменять собою 90 руб. ассигнаций.

4. Самый механизм размена должно устроить так, чтоб ежегодно назначаемы были номера ассигнаций, кои могут быть предъявлены к размену. Назначение сих номеров может быть производимо или по порядку их счисления, или посредством жребия: начинать должно с ассигнаций высшего достоинства, т. е. с 200-рублевых, и продолжать до самого последнего.

5. Если бы номер ассигнации, к размену предназначенный, в течение года и не был представлен, то сим он не теряет своего достоинства. Разменная сумма, для него определенная, остается в кассе, и одно только промедление всех сроков размена подвергает его решительному уничтожению.

В сем состоят главные черты операции переложения. Тут есть множество подробностей, кои могут быть определены в свое время.*

Последствия окончательной сей меры будут состоять в следующем:

1. Вся масса ассигнаций перельется постепенно и почти нечувствительно в массу банковых билетов, основанных на серебре и, следовательно, не подверженных другому изменению, кроме того всеобщего движения, коему подлежат металлические богатства в мире.

2. Монетная наша система получит свойственное ей единство.

3. Все торговые обороты, как внешние, так и внутренние, получат более твердости. Они не будут более колеблемы непостоянством и разнообразием главного их движителя, монеты.

4. Внутренняя промышленность, ныне стесняемая неудобствами и случайностями монетного обращения, получит средства расширения, соразмерные ее предприимчивости, не быв принужденною обращаться в одном и том же круге ассигнаций и теперь уже для нее тесном; круг монетный посредством сохранных билетов будет раздвигаться по мере его успехов и потребностей.

* К числу сих подробностей принадлежат, между прочим, вопросы: 1) какое именовательное достоинство должны иметь сохранные билеты в их разделении? 2) какое устройство дать мелкой разменной монете? 3) принимать ли к размену на сохранные билеты мелкую серебряную монету, также слитки серебра и золота и проч. и проч.?

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сем состоят меры, необходимые к коренному и прочному исправлению монетного нашего обращения. Все они состоят между собою в связи и, следовательно, все должны быть определены в одном и том же плане правительства, но приводить их в действие надлежит постепенно, не предупреждая бесполезною огласкою меры окончательной, доколе не совершатся все последствия мер приуготовительных.

Рассматривая каждую из сих мер особенно, можно составить о силе их следующее понятие.

Первая мера: установление сохранных билетов есть мера самая легчайшая, с нее и начать должно: за нею следует мера не столь уже легкая: установление общего курса законного и присм по сему курсу сохранных билетов, вместо ассигнаций, во всех местах без изъятия. Она будет второю, и принять ее должно не прежде, как когда уже первая мера, учреждение сохранных билетов, будет в полном ее действии. Третья мера, переложение ассигнаций в сохранные билеты, есть окончательная. Она должна быть принята, когда уже последствия второй будут явны.

Последствия, от каждой меры отдельно ожидаемые, следуют той же постепенности.

Последствием первой меры будет *приостановить дальнейшее возвышение ассигнаций*; последствием второй будет *привести курсы их в один общий, и тем самым прекратить протонародные лажи*; наконец, последствие третьей меры есть *коренное исправление* всего монетного нашего движения.

Если первая мера не будет принята благовременно, т. е. ныне же и без отлагательства, то ассигнации непременно еще возвысятся и будут возвышаться в течение времени еще с большею быстротою. Последствием сего будет то, что разнообразие счетов на монету еще более усилится и будет усиливаться непрестанно. Наконец настанет время, когда все убеждены будут в необходимости сей меры, но тогда она будет уже и труднее в исполнении, и слабее в ее действии.

Если, приняв первую меру, не будет в свое время приступлено ко второй, тогда нельзя ожидать прекращения лажа. Он будет ежегодно возрастать, а с усилением его тяжесть банковых долгов, возрастая так же ежегодно, наконец выйдет из всякой соразмерности с доходами: откроются значительные неустойки, за ними последуют продажи залогов, а примеры разоре-

ния, устранив займщиков, сократят самые займы, и вклады банковые, оставаясь без употребления, обратятся самым банкам в явный и неминуемый ущерб.

Если, приняв первую и вторую меру, не будет в свое время поступлено к третьей, тогда дело исправления монетного нашего обращения совершится только в половину. Будут в противодействии две системы монетные: ассигнационная и металлическая, и хотя посредством двух первых мер они будут приведены в равновесие, но сие равновесие не может долго продолжаться по той естественной причине, что система ассигнационная есть система, ограниченная известным количеством; напротив, система, металлическая никаких пределов не имеет. Она всегда будет расширяться, и следовательно, рано или поздно ассигнации опять начнут дорожать и равновесие прекратится. Следовательно, слияние двух систем в одну рано или поздно всегда будет необходимо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. О РАЗЛИЧИИ И СХОДСТВЕ БИРЖЕВОГО И ПРОСТОНАРОДНОГО СЧЕТА В ЛАЖЕ

Есть два счета для лажа: *биржевой* и *простонародный*, или *торговый*.

Биржевой счет употребляется единственно при размене серебра и золота на ассигнации, и обратно.

Простонародный, торговый, счет употребляется при покупке товаров и при платеже за товары.

Рассмотрим ближе, почему не один, но два счета совокупно в употреблении.

Припомним здесь прежде всего, что с того самого времени как ассигнации потеряли свое равенство с серебром, хотя именовательное их достоинство оставалось прежнее, но монетное их достоинство, т. е. цена их в отношении к серебру, начала изменяться. Известно, что с 1787 по 1815 г. изменение состояло в постепенном их понижении, а с 1815 г. изменение состояло уже в постепенном их повышении. Линия, разделяющая сии два изменения, есть содержание 100 к 400, или 25 коп. серебром = 100 коп. ассигнациями. Здесь кончилось

понижение, и отсюда началось повышение. Таким образом, в монетном достоинстве ассигнаций установились два счета: счет *понижения* и счет *повышения*. В первом счете вопрос состоит только в том, чем ассигнации состоят ниже серебра; во втором, напротив, вопрос есть, чем они повысились со времени крайнего их падения?

В биржевом производстве при размене двух монет один первый вопрос может иметь место, ибо тут надобно только знать, чем одна монета в день размена ниже другой, но никак не нужно знать все прежние ее изменения, тем более что повышение ассигнаций против курса самого нижнего в существе своем есть то же понижение в отношении к равенству, только в меньшей степени.

Другое дело в производстве торговом, на товары. Покупка есть мена товара на деньги: тут нужно знать не только настоящую цену денег, но и настоящую цену товара. Если товар при курсе ассигнаций по 400 за рубль покупался за 100 рублей, то он не может уже быть с выгодой куплен за ту же цену при курсе 352 за рубль. Отсюда необходимость для продавца: или при каждом повышении курса переоценивать свои товары, или же, удерживая их именовательную цену, вычитать из суммы платежа проценты повышения, т. е. вычитать из просимой цены товара все то, чем ассигнации возросли со времени крайнего их понижения. Ясно, что первая из сих двух мер при еженедельном и даже почти при ежедневном изменении курса весьма затруднительна. Следовательно, продавец по необходимости должен прибегать ко второй мере. В ней нет затруднений. Тут надлежит только взять курс биржевый настоящий, например по 352, и сравнить его с крайним курсом понижения, т. е. с 400, — разность есть 48, но 48 составляют 12 % на 400, т. е. ассигнации со времени их повышения возросли на 12 %. Должно ли всю сию разность вычесть в пользу покупателя?

Сие было бы несправедливо и нерасчетливо, ибо если покупатель имеет право пользоваться приращением в цене ассигнаций, то и продавец имеет то же право воспользоваться равным приращением в капитале его, в товарах положенном. Следовательно, приращение 12 % должно быть разделено между или пополам, и следовательно, вычет в пользу покупателя должен составлять 6 %.

В сем состоит счет простонародный при покупке товаров на ассигнации. Рассмотрим тот случай, когда платеж производится серебром.

Сторговав товар за 100 руб. на монету, надлежало бы по пониженному курсу заплатить серебром 25 руб., но курс изменился и за рубль серебряный не платят уже 400 коп., но только 352 коп., или иначе: за рубль ассигнационный требуют уже не 25 коп., но $28 \frac{1}{4}$ серебром; следовательно, разность между прежнею и настоящею ценою серебра есть $3 \frac{1}{4}$ серебром, т. е. почти те же 12 %, кои прежде мы видели; разделив их пополам между продавцом и покупателем, выйдет следующая пропорция:

$$100 : 106 = 400 : 424.$$

Следовательно, когда сторгован товар на монету, то вместо прежних 25 руб. я плачу ныне 28 руб., и тем самым оцениваю серебряный рубль уже не в 400, но в 424 коп. А как разность между самым низшим и настоящим курсом при размене составляет 48, то, вычтя сии 48 из 424, в остатке будет 376. Отсюда произошло правило принимать серебряный рубль при покупках в 376; когда же принимают его в 375, то сие означает, что курс биржевой считается в 351, как и действительно он иногда бывает, ибо тогда разность между 400 и 351 будет уже 49, кои, вычитая из 424, оставаться будет 375.

Из сего происходит следующее заключение:

1. Счет простонародный есть не что иное, как приложение счета биржевого (разменного) к счету товарному и к платежу долгов.
2. Что в существе своем оба сии счета одинаковы.
3. Что счет торговый простонародный введен по необходимости, в избежание ежедневной переоценки товара.
4. Что при всем том, однако же, счет сей имеет два неудобства важные: 1) сложность его не для всех понятна и 2) повод к обольщению, а иногда и к обману при покупке товара.

1839 г.